

Фатенко (4)

А во городи было да стольнѣм Киеви
А у ласкова князя да у Владимира
Уж завелса у князя нонь почесен пир.
А и пир-от идѣт да о полупира,
Але стол-от идѣт да о полустола,
А Владимир-князь ходит нонь в полухмеля.
Кабы все тут на пиру да напивалисе,
Кабы все тут на пиру да наедалисе,
Кабы все-де сидят да пьяны-веселы.
А за тем-де столом да за середниим,
А сидели-де у князя на чесном пиру
Кабы две-де вдовы, право, купчѣвыи,
А сидели эти вдовы, право, поблизку,
Але поблизку сидели, да, право, порядку,
При веселой они, право, при публике,
А одна-де с другой да розговор вели.
Говорила-то Овдотьѣ Блудова вдова:
«Уж ты ой еси, Марина Чусова вдова!
У меня ле как есь да сын Фатѣнушко,
А у тя-то ле есь да дочи Аннушка —
Уж не можно ле как, право, посвататьсе,
А посвататьсе нонь, низко поклонятьсе?
А не можно ле как да их вместях свести,
А вместях ле свести, да большой род завести?»
А Марина-то была да Чусова вдова,
А крута она, рьена, была спесивая,
А сказала Овдотьѣ она на то слово:
«У тя мужа-то ведь звали да Блунно-Блуннишшо,
Але сына-то зовут да Чунно-Чуннишшо,
Как слепая-де кура ходит по уличи,
Какой день зерно найдѣт, дак и сыта живѣт.
Але твой-от жаних — да не жаних он нам,
А моя-то ведь девка — не невеста вам!»
Оскорбилася Овдотьѣ да Блудова вдова
Уж на эти как слова да на Маринкины,

Оскорбляла-де она на пиру при публики.
Уж ставала Овдотья на резвы ноги,
А князю она Владимиру низко кланялась:
«Те спасибо-де, солнышко Владимир-князь,
Я довольна твоим, право, чесным пиром!»
Говорил ей князь да таково слово:
«Уж ты ой есь, Овдотья Блудова вдова,
Уж ты што же так рано походишь со чесна пиру?»
А ушла как Овдотья со чесна пиру,
А походит она да к своему двору,
А заходит на своё да на круто крыльцо,
А стречат ей сын, да ей Фатёнушко:
«Уж ты ой еси, матушка родимая!
Уж ты што же ты рано приходишь со чесна пиру?»
Говорит-то Фатенку родна матушка:
«Уж сидели мы у князя на чесном пиру...»¹
А Фатенушку слова эти не пондравились,
Ретиво его сердце да загорелось,
Очи ясны его да возмутилисе,
Говорит-де Фатенко таково слово:
«Уж ты ой еси, моя да родна матушка!
А ты дай мне-ка тако благословеньичо:
Я поеду-де нонь да на добром кони,
А я вызову у Марины да поединщика.
У Марины поединщика не окажется,
А защитника у Марины да не отыщется —
Сворочу я ей дом да по окошечки,
Уведу я у ней да дочь Аннушку!»
А дала ему-де мати благословеньичо.
Кабы скоро Фатенушко сряжаитсе,
Але скоро Фатенко сподобляетсе,
Он берет с собою приправу молодецкую,
Але сбруню с собой да богатырскую,
Але с матушкой Фатенко да нынь прощайтсе.
Уж поехал Фатенко да нынь ко городу,
Приежжат он к Марины да к Чусовой вдовы,
А скрычал-де Фатенко да ярым голосом,
Ярым голосом скрычал да во всю голову:
«Уж ты ой еси, Марина да Чусова вдова!

Ты отдашь ле за меня да дочь Аннушку?
Как добром-то ты отдашь, дак я добром возьму,
А добром не отдашь, дак я боём возьму,
А великой-де дракой, да кроволитием —
Сворочу я твой дом да по окошецьки,
Уведу у тя я да дочь Аннушку!»
А Марина-то ведь с тих же слов спугалосе,
Приходила она да ко окошецьку,
Говорила ле она да таково слово:
«Уж ты дай мне-ка строку да на полсуточёк,
Я найду-де с тобой да поединщика!»
А брала она-де в руки золоты ключи,
Отмыкала свои да кованы ларьчи,
А брала-де она да золоту казну,
Уж не много, не мало — да сорок тысячей.
А пошла она, Марина, да вдоль по городу,
А зашла она-де нынь да на царёв кабак,
Говорила-де Марина да таково слово:
«Уж вы ой еси, робята, да добры молодцы!
Я зашла-де искать да поединщика,
Накликат-де у мя, право, Фатенушко;
А не один, хоть не два, да хоть петьсот-де вас».
Але голи-ти они, право, охотники,
А любители таки они на деньги-ти,
Вынимат она много да золотой казны,
Подпоила она да добрых молодцов,
А взела-де с собой она зелена вина,
Откупила-де боцьку да сороковоцьку,
Повезла эту боцьку да на чисто полё.
Кабы много молодцов идёт, много-множество,
Кабы вывезла сороковку да там ведь на полё.
Кабы много они брали да стеги-аншпуки,
А с Фатенком стоять хотят поединщыком,
Как толпой они на Фатенушка да изурезались,
Попленишь-де, побить хотят добра молодца.
Уж Фатенко сидел да на добром кони,
Але прижал он своего да коня доброго,
Разгонилсе-де он да на добром кони,
Он машёт-де паличей буювою,

Але тóпцёт-де много да конём добрым,
Он куды-де махнёт, дак лежит улича,
В другу сторону махнёт, дак лежат площади.
Он прибил-притоптал всех добрых молодцов,
А оставил едва да так на семена.
А поехал к Марины да к нову терему,
Закричал кабы он да ярым голосом:
«Уж ты ой еси, Марина Чусова вдова!
Ты отдай-де мне да поединщика,
А не то уведу я дочь Аннушку!»
У Марины-то ведь было деветь дочерей,
Уж сидели у Марины да в гостях они.
Говорила Марина своим зятевьям:
«Уж вы ой еси, мои да деветь зятевьеи!
Помогите вы нынь да моему горю!»
Говорят-де Марины да деветь зятевьеи:
«Уж не можом мы с Фатенком стоеть поединщиком,
От Фатенка нам смерть да будет лютая!»
А Маринка-то ле да осержаласе:
«Уж я лучше бы родила да деветь камней,
Але бросила бы камни во синё морё,
Кабы в мори эти камешки да выросли,
Отросла бы-де кошка да нынь морска ле тут,
А бежали бы корабельщики по морю,
Набежали на эту бы кошечку,
А розбило бы этих корабельщиков,
Кабы легче было моёму ретиву серчу».
Кабы тут ле Марина смоталасе,
Не могла она приискать да поединщика.
Не отыскалосе некого у ей защитника.
Уж розъехалса Фатенко на добром кони,
Своротить у ей хочет нонь высок терем.
А во ту пору было, право, во то время,
А сидели у Марины деветь зятевей,
Выходили они, право, на уличу,
Извинялисе Фатенку, да низко кланелись:
«Заходи-де, пожалуй, ты да к нам в гости,
Хлеба-соли-де ись да перевару пить,
А затем-то у нас да чего Бог послал,

Отдадим-де за тя да красну девушку,
Красну девушку за тя, да дочерь Аннушку!»

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., сел. Усть-Цильма Печорского у. — от Дуркина Дмитрия Карповича, 40—45 лет.)

1 Говорила-то Овдотья Блудова вдова:

«Уж ты ой еси, Марина Чусова вдова!

У меня ле как есь да сын Фатэнушко,

А у тя-то ле есь да дочи Аннушка —

Уж не можно ле как, право, посвататься,

А посвататься нонь, низко поклоняться?

А не можно ле как да их вместях свести,

А вместях ле свести, да большой род завести?»

А Марина-то была да Чусова вдова,

А крута она, рьяна, была спесивая,

А сказала Овдотье она то слово:

«У тя мужа-то ведь звали Блунно-Блуннишшо,

Але сына-то зовут да Чунно-Чуннишшо,

Как слепая-де кура ходит по уличи,

Какой день зерно найдет, дак и сыта живет.

Але твой-от жаних — да не жаних он нам,

А моя-то ведь девка — не невеста вам!»

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.